

А
ВЕРА ФИГНЕР

ЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ ТРУД

ВОСПОМИНАНИЯ В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ ВТОРОЙ

КОГДА ЧАСЫ ЖИЗНИ ОСТАНОВИЛИСЬ

Издательство социально-экономической литературы, "Мысль" Москва 1964

OCR Ю.Н.Ш. yu_shard@newmail.ru В фигурные скобки {} здесь помещены номера страниц (окончания) издания-оригинала.

Оригинал здесь: "[Народная Воля](#)".

Глава первая

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Утром 12 октября 1884 года в камере Петропавловской крепости было сумеречно, почти темно, когда в нее ворвался "присяжный", как называют отставных солдат, исполняющих наряду с жандармами внутреннюю службу в крепости. Это был самый злой стражник: седая крыса, которой надоели служба, обязанности, ответственность и сами заключенные, которых он сторожил, как цепная собака, целые десятки лет. Жизнь, должно быть, не баловала его, и теперь, старый, больной и ожесточенный, он срывал на ком мог свои претензии на судьбу.

Я запомнила его с первого раза. Как только меня привезли в крепость, прежде чем запереть дверь камеры, в которую я вступала как новичок, он сердито буркнул: "Здесь петь не полагается!" Я остолбенела. Я и не думала петь. "Петь?! -- сказала я. -- Да кому же придет это в голову?!"

В самом деле, разве при вступлении в крепостные стены душа не была полна серьезных чувств и важных мыслей? Петь, вступая в эти стены, -- разве это не было бы профанацией места, освященного страданиями многих поколений?!

Теперь, 12 октября 1884 года, ворвавшись в камеру, когда я была еще в постели, он со злостью поставил на пол пару громадных валенок, а на кровать бросил нагольный полушубок и сердито прошипел: -- Вставайте! Скорее вставайте! Да теплее одевайтесь!

"Что такое? Что со мной будут делать?" -- думала я. С тех пор как меня арестовали, сию же минуту я почувствовала, что уже не принадлежу себе. С тех пор я уже не спрашивала себя, что я буду делать, но всегда -- что со мной будут делать. Ведь потерять свободу -- именно значит потерять право собственности на свое тело. {3}

"Что со мной будут делать? Что?" -- размышляла я и быстро кончала туалет каторжанки. Он был немногосложен: онучи и коты; старая, грязная, вся изъеденная молью юбка солдатского сукна; пропитанный чьим-то потом арестантский халат и белый холщовый платок на голову. Мыла уже 10 дней не было; гребенки, зубного порошка и щетки тоже осужденной не полагалось.

...И все время мысль: что "они" со мной сделают? Быть может, повезут казнить?.. Но ведь всего три дня назад мне объявили о помиловании, и старый комендант торжественно провозгласил: "На каторгу без срока".

Но у меня за два года полного одиночества в голове что-то путалось: реальное стусевывалось... возможное и невозможное странно перемещались, и невозможное казалось как будто бы возможным...

Что же, быть может, и казнят? Или казнить будут не меня, а товарищей, а меня поставят рядом, чтоб я видела и испытала. Почему же нет? Ведь было же так с Достоевским и другими!.. ¹ Отчего бы не повториться!..

Но почему же "присяжный" сказал: "Одевайтесь теплее!" Значит, повезут куда-то, повезут далеко, и будет холодно. Но куда же, куда?!

На большую площадь, залитую народом и где стоит эшафот?.. Или в Сибирь? Посадят в сани между двумя жандармами, и мы помчимся от Петербурга до рудников Кары, где находятся женщины, осужденные раньше...²

...На дворе стояла осень, и еще накануне снега не было, но валенки и шуба рисовали непременно

А